

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕДАКЦИЯ ОЧЕРКА «КАПЛУНЫ»

Статья и публикация В. Э. Богграда

Впервые публикуемая позднейшая редакция щедринаского очерка «Каплуны» представляет собою документ большого исследовательского интереса. Документ этот позволяет проследить ход работы Щедрина над произведением, очень важным для изучения его мировоззрения. Особенно ценен материал публикации еще и потому, что дополнительная работа над уже законченными «Каплунами» была осуществлена после критических замечаний Чернышевского по поводу первоначальной редакции очерка.

Новая редакция «Каплунов» предназначалась для № 1-2 «Современника» 1863 г., но по не совсем ясным причинам напечатана не была. Текст новой редакции публикуется по найденным нами в бумагах А. Н. Пыпина корректурным гранкам (Архив Академии наук в Ленинграде, ф. 111, ед. хр. 172). Корректурa содержит еще два других известных очерка Щедрина и озаглавлена: «Глулов и глуловцы. I. Общее обозрение. II. Деревенская тишь. III. Каплуны. Последнее сказание». На полях гранок имеется помета: «28 декабря».

Чтобы ответить на вопрос о происхождении и судьбе публикуемой редакции «Каплунов», необходимо обратиться к цензурной истории очерка. Найденные нами новые документы в соотношении с уже известными в печати позволяют более полно осветить эту сложную историю.

«Каплуны» поступили в цензуру вместе с очерком «Глуловское распутство», по-видимому, во второй половине апреля 1862 г. Ознакомившись с содержанием очерков, цензор Еленев 21 апреля направил председателю Петербургского цензурного комитета Цеэ донесение, в котором писал:

«В двух, при сем представляемых статьях для „Современника“: 1) „Глуловское распутство“ и 2) „Каплуны“ — красными чернилами отмечены места, которые я предполагал бы исключить, а красным карандашом — места сомнительные. Так как обе эти статьи все состоят из намеков и аллегорий и сверх того замечательны по литературным достоинствам, то я почел необходимым представить на окончательное усмотрение вашего превосходительства разрешение или запрещение мест, отмеченных как красными чернилами, так и карандашом. Начало этих статей будет доставлено вам из типографии вместе с моим пакетом...» (ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 313).

В свою очередь Цеэ обратился за советом к министру народного просвещения Головнину, с которым был в приятельских отношениях. Головнин прочитал присланные ему рукописи и 24 апреля дал Цеэ следующее указание: «Статьи г. Щедрина: „Глуловское распутство“ и „Каплуны“ следует непременно пропустить, но из первой должно исключить все, что говорится о Зубатове» («Лит. наследство», т. 13-14, 1934, стр. 129).

На это Цеэ отвечал в тот же день, 24 апреля:

«В статье Щедрина будет все пропущено (то есть опущено.— В. Б.), что касается Зубатова; в этом мы совершенно согласны, но ты не разрешил, следует ли исключить то, что исключено цензором, или то, что относится до Зубатова.

Я об этой статье говорил с Чернышевским и советовал ему в случае, если она будет дозволена, отложить ее печатанием до следующего номера, на что он вполне решительно говорил, что для них это не составляет никакого различия» («Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.». Пг., 1917, стр. 65).

Против первого абзаца записки Цезя Головинин пометил: «Листы, отмеченные цenzуром, следует пересмотреть. Многие можно печатать», а против второго: «Можно печатать теперь же и лучше не задерживаясь».

Однако вокруг статей Щедрина в Цензурном комитете возникли споры, в связи с чем Цезя, не дав хода полученному от министра разрешению, попросил у него новых указаний. Тогда Головинин обратился за советом к влиятельному придворному, воспитателю наследника-цесаревича и члену Государственного совета графу С. Г. Строганову. 26 апреля Головинин написал ему следующее письмо, оставшееся до сих пор неизвестным:

«Ваше сиятельство следите за ходом нашей литературы. Поэтому решаюсь просить вашего доброго совета относительно прилагаемой статьи известного автора Щедрина. В Цензурном комитете возникло разногласие, следует ли пропустить ее. Основная мысль статьи та, что помещики, которые воображают привлечь ласками и самоуничтожением бывших крепостных, очень ошибаются и что им следует держать себя с достоинством. Я полагал бы исключить то, что говорится о Зубатове. Буду глубоко благодарен за ваш совет. Покорнейший слуга Г о л о в и н и н» (ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, ед. хр. 187, л. 67).

Из этого письма ясно, почему Головинин поначалу столь либерально отнесся к «Глуповскому распутству». Он совершенно не понял истинного смысла очерка Щедрина, в котором подчеркивается непримиримость классового антагонизма между помещиками и крестьянами и подвергаются осмеянию попытки пореформенных «глуповских Сидорычей и Трифоньчей» привлечь к себе симпатии «Иванушек»: «Да, и остроумнейшие из глуповцев должны будут обмануться в своих примирительных попытках! да, и они должны будут сознать, что времена созрели и что Иванушка ни под каким предлогом не может быть верным слугой!» (IV, 268—269). Головинин же, не улавливая иронии Щедрина, усмотрел «основную мысль» статьи «Глуповское распутство» в обращениях к помещикам советах автора «держаться себя с достоинством с бывшими крепостными. Однако образ генерала Зубатова, персонифицирующий государственный аппарат самодержавия, был понят им сразу же и обречен на исключение из очерка.

Из письма Головинина следует, казалось бы, что Строганову было послано одно только «Глуповское распутство». Между тем, как явствует из ответа Строганова, Головинин направил ему также и очерк «Каплуны». Черновой набросок этого ответа, датированный 27 апреля, сохранился на оборотной стороне письма Головинина. Вот что ответил Строганов Головинину:

«Глуповское распутство господ дворян вызывает нас на генерала Зубатова; при Иване Васильевиче Грозном это было бы и смело и извинительно — теперь это безнравственно и несвоевременно!

Начало статьи пахнет борделем.

Каплуны пахнут кровью! Если кровь нужна для утучнения почвы, не правительству же под формою цензуры указывать, как свободно может течь эта жидкость.

Очень вам благодарен за доверенность».

«Глуповское распутство господ дворян» — в понимании Строганова (не совпадающем с политическим содержанием этого образа у Щедрина) — это, по-видимому, с одной стороны — олигархически-оппозиционные, с другой — либерально-оппозиционные настроения в дворянских кругах в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Правительство решительно противодействовало этим тенденциям, не останавливаясь перед полицейскими репрессиями, о чем свидетельствуют, например, высылка из Петербурга М. Безобразова в 1859 г., арест и заключение в крепость тринадцати мировых посредников Тверской губернии в 1862 г. Эти-то оппозиционные настроения и имеет в виду Строганов, поясняя, что именно «вызывает нас на генерала Зубатова»,

то есть на усиление политического контроля над дворянством со стороны самодержавного правительства, «бюрократии». В свете такого комментария уясняется и ссылка на русскую историю. Мысль Строганова, по-видимому, такова: лишь при террористическом режиме, подобном режиму Ивана Грозного, была бы «извинительна» дворянская оппозиция центральной власти. В «либеральное» же царствование Александра II она «безнравственна». Слова «Каплуны пахнут кровью» вызваны, несомненно, рассуждениями Щедрина о деятеле, который в поисках средств к переустройству действительности обращается непосредственно к «толпе», народу, в надежде увлечь их на свой путь, озаренный «грядущими идеалами» демократии и социализма. Предупреждая такого деятеля об ожидающих его на этом пути трудностях и разочарованиях, Щедрин пишет:

«Толпа ревниво оберегает предания прошедшего и туго решается на риск, потому что уже не мало она порисковала на своем веку, не мало извлекла из того для себя пользы. Мудрено ли, что человек, имеющий дело с этою плотною массою, неслышно для самого себя проникается инстинктами толпы? Мудрено ли даже, что вместо того, чтоб увлечь толпу за собою, он сам станет в ее ряды? Но не смейтесь ему, не порицайте его слишком поспешно, ибо он не пропал без вести. Положим, что сам он засосался на дно, положим, что он и не выплывет никогда, но мысль, им брошенная, все-таки принесет свой плод, но минутное противодействие, оказанное им толпе, все-таки делает ее более податливою... хотя бы для последующих деятелей. В этом случае, он не более как жертва, принесенная новому Ваалу, но жертва не бесследная, ибо кровь ее утучнила почву» (IV, 287—288. — Курсив наш. — В. Б.).

Получив ответ Строганова, Головин в тот же день, 27 апреля, переслал его Цез. В сопроводительной записке он писал:

«Я чрезвычайно благодарен тебе за то, что ты не воспользовался разрешением напечатать статьи Щедрина. Этот случай доказывает, как трудно цензурное дело и доказывает, что у тебя есть необыкновенный такт. Я полагал дозволить обе статьи, но вследствие твоего предостережения послал их Строганову. Вот его ответ и вследствие того обе статьи запрещаются. Еще раз благодарю. Преданный Головин» («Лит. наследство», т. 13-14, 1934, стр. 129).

Одновременно с представлением «Каплунов» в цензуру, другой экземпляр корректуры — с критическими замечаниями Чернышевского на полях или же с письмом, в котором излагались эти замечания, — по-видимому, был направлен Щедрину, находившемуся в своем имении Витенево. Замечания Чернышевского до нас дошли или остаются не разысканными, но об их содержании мы знаем из ответного письма Щедрина от 29 апреля 1862 г.

«Возвращая корректуры, — писал он, — прошу вас извинить меня, что так долго продержал их: дело в том, что я был в деревне в то время, как <они> мне были присланы. Мне кажется, что вы придаете „Каплунам“ смысл, которого они не имеют. Тут дело совсем не об уступках, а тем менее об уступках в сфере убеждений, а о необходимости действовать всеми возможными средствами, действовать настолько, насколько каждому отдельному лицу позволяют его силы и средства. Эту же самую мысль я провел в имеющейся у вас программе предполагаемого нами журнала. По моему мнению, главное теперь — единство действия и дисциплина. Если будет существовать эта последняя, то, само собой разумеется, устранится возможность множества ошибок.

Впрочем, я желаемые исправления сделал.

Очень жаль, что вы не прислали мне цензурскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано» (XVIII, 169).

Опасения Щедрина, как мы видели, более чем оправдались: оба очерка были запрещены целиком, притом в самых высших цензурных инстанциях. Однако редакция «Современника» и автор не сразу узнали о запрещении этих очерков. Получив распоряжение Головина о запрещении «Каплунов» и «Глуповского распутства», Цез не спешил известить об этом редакцию. Он испытывал неловкость, так как во время беседы с Чернышевским, в начале двадцатых чисел апреля, сообщил ему о возможном запрещении только «Глуповского распутства». Что же касается «Каплунов», то хотя

цензор основательно прошелся по корректуре этого очерка, к их напечатанию тогда еще препятствий не было.

Между тем сделанные Щедриным исправления не удовлетворили Чернышевского, и он обратился к Щедрину с просьбой воздержаться от печатания «Каплунов», на что и получил согласие. Об этом мы узнаем из позднейшего письма Щедрина к Пышину от 6 апреля 1871 г. Касаясь ссылки Пышина на слухи, что «некоторые даже очень умные люди были поставлены в недоумение» недостаточной ясностью его сатиры, он писал: «Ежели тут дело идет о „Каплунах“, то вряд ли идея этого очерка могла представлять неясность. Идею эту я развивал впоследствии неоднократно, и заключается она в том, что следует из тесных рамок сектаторства выдти на почву практической деятельности. Может быть, идея эта спорная, но, во всяком случае, в ней нет ничего недостойного. Н(иколай) Г(аврилович), который тогда же писал ко мне по этому случаю, оспаривал меня и убедил взять очерк назад. Но он ни одним словом не обвинял меня, и я счел, что тут скорее идет речь о *несвоевременности*, нежели о внутреннем достоинстве идеи» (XVIII, 236).

События июня и июля 1862 г. — приостановление «Современника» и арест Чернышевского — прервали на время дальнейшие переговоры о публикации «Каплунов».

В конце 1862 г. редакция приступила к составлению первого двойного — январско-февральского номера журнала 1863 г. Для этого номера Щедрин и подготовил публикуемую нами новую редакцию «Каплунов». Что же касается первоначальной редакции очерка, относящейся к началу 1862 г., то, внося в ее текст ряд изменений и сокращений, Щедрин предполагал заключить ею первую статью начатого им в том же номере журнала публицистического цикла «Наша общественная жизнь». Однако ни одно из этих намерений не осуществилось.

В статье «М. Е. Салтыков-Щедрин в редакции „Современника“» В. Е. Евгеньев-Максимов сообщил, что ему «удалось в архиве конторы „Современника“ найти представленный редакции журнала счет корректора Лебедева, из которого явствует, что „Каплуны“ и „Глупов и глуповцы“, набранные для январско-февральского номера журнала за 1863 г., снова были изъяты цензурой» («Ученые записки Ленингр. гос. университета», № 90, серия филологических наук, вып. 13, 1948, стр. 208). Стремление Щедрина напечатать названные очерки в январско-февральской книжке «Современника» 1863 г. рассматривается здесь как его *вторая попытка* провести эти очерки через цензуру, что вступает в противоречие с позднейшим свидетельством автора относительно одного из них — очерка «Каплуны» — свидетельством о том, что Чернышевский убедил его «взять очерк назад». Это заявление Щедрина вряд ли может вызывать сомнение. Но независимо от этого утверждение Евгеньева-Максимова находится в противоречии и с другими документальными данными. В самом деле, если бы Щедрин *знал* о запрещении «Каплунов», то мог ли бы он рассчитывать провести через цензуру запрещенный ею очерк под тем же названием, да еще в первой же по возобновлении книжке «Современника», составлявшейся с большими предосторожностями? Конечно, нет. В этом не остается ни малейшего сомнения после сопоставления первоначальной редакции «Каплунов» и несколько измененного и сокращенного текста этого же очерка, подготовленного для включения в январскую хронику «Нашей общественной жизни». В измененной редакции сохранились все места, на которые обратила внимание цензура в апреле 1862 г. Кроме того, в письме к Некрасову от 29 декабря Щедрин просит его похлопотать у Цез о статье «Глуповское распутство», «которая тоже у него киснет» (XVIII, 177), то есть очень долго — с апреля 1862 г. — находится на рассмотрении. Между тем, на сохранившихся цензурных гранках этой статьи и очерка «Каплуны» читаем: «Запрещается печатать. Ст. секр. Головинн. 27 апр. 1862» (ИРЛИ, ф. 336, оп. 2, № 1 и № 4). Очевидно, что, зная об этом запрещении, Щедрин по-иному сформулировал бы свою просьбу к Некрасову. Евгеньев-Максимов, не располагая публикуемой нами корректурой «Каплунов», не мог знать, что для № 1-2 «Современника» 1863 г. Щедрин написал новую редакцию этого очерка. Вместе с тем утверждение исследователя, что Щедрин, зная о запрещении «Каплунов», пытался вновь провести через цензуру этот же запрещенный текст, предназначив его для № 1-2 «Современника» 1863 г.,

Запрещено без позволения
А. В. Головин
27 апр 1862

II.
КАПЛУНЫ.

ПОСЛАНИЕ СКАЗКИ.

— Кастрюи все брешья
Меж из плеск жижи,
И жалоб утварки,
Что грубо и пох,
И «жени всь златая,
Ихъ ласкамы ивдасы...
И, чтохъ претялы, треди,
Таяъ тожко въ виль дашежы...

Начиная говорить о каплунахъ, я ощущаю некоторую робость. Каплуны лица нешуточная. Будучи весьма напористы, они тихо куражатся, и чувствуютъ себя совершенно довольными, — качество, какъ известно, слишкомъ рѣдко встречающееся въ наше тревожное и тяжелое время. Отсюда всеглашная ровность и ясность духа, отсюда — самоуверенная законченность вѣдока и соображений, отсюда — текучесть и плавность рѣчи, отсюда, наконецъ, — права на всеобщее уваженіе.

Каплуны — консерваторы по природѣ, и даже нѣсколько доктринеры. Они любятъ именно тотъ порядокъ вещей, который посылаетъ ему въ ротъ катышки, и потому, со стороны доктринны, шагнулъ дальше самого доктора Панглосса, утверждающаго, что все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ. Каплуну удостовѣряетъ, что Панглоссъ оказалъ себя въ этомъ случаѣ пѣтухомъ, а если и каплуномъ, то каплуномъ медлительнымъ, не позабывшимъ еще старыхъ, пѣтушечьихъ проказъ. Ибо, поучаютъ каплуны, въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ не можетъ быть движенія къ лучшему; въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ все такъ преудро устроено, что не для чего искать лучшаго, да и не гдѣ его найти; въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ изготовляются удивительнѣйшіе катышки и — вѣнецъ созданія — каша изъ гречихи орѣховъ, замысленно переищанныхъ съ творцомъ.

Благонамѣренность каплуновъ вошла въ пословицу. Это и понятно, потому что имъ неоткуда вѣсть неблагонамѣренности. Благонамѣренность предполагаетъ страстность, а эта послѣдняя, горькимъ насилиемъ судьбы, подрѣзана у каплуновъ въ самомъ источникѣ; следовательно... Поэтому, каплуны слынутъ самыми лучшими судьями и самыми безпристрастными рѣшителями судебъ вселенной.

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти положительные достоинства, каплуны, при неизмѣрномъ употребленіи, дѣлаются противными. Благонамѣренность и постоянная невозмутимость души производятъ въ нихъ какое-то неприятие ожирѣнія, отъ котораго, по временамъ, дѣлается тошно. Явленіе тѣмъ болѣе печальное, что достовѣрныя изысканія показываютъ, что причина его заключается не въ самихъ каплунахъ, а въ томъ, что наука гастрономіи, находясь еще въ младенчествѣ, не успѣла придумать такихъ разнообразныхъ соусовъ, съ помощью которыхъ они были бы вѣчно новы и вѣчно милы.

Каплуны-моды встрѣчаются во всѣхъ слояхъ, на всѣхъ ступеняхъ главнаго общества. Чтобы сдѣлаться каплуномъ, нужно очень не много. Нужно выбрать идію съ булавочную голдовку, возлюбить ее какъ самого себя, и лѣтѣть съ спокойною совѣстью, и вѣрить этимъ огромнымъ масштабамъ всѣмъ явленіямъ, проходящимъ передъ глазами. Устроившись такимъ образомъ, каплуны складываютъ лапки, и спокойно ожидаютъ, чтобы природа сама собой довершила блистательно начатое дѣло. Духовныя силы невольно устремляются къ готовому центру, который, какъ всесильный и притомъ безразливый деспотъ, беретъ отъ нихъ лишь то, что необходимо для его поддержанія; лѣтѣть все остальное отбрасывается и постепенно подрѣзывается и подсыхаетъ. Послѣ того, каплуны живутъ, и дѣлаются отдаленнымъ

КОРРЕКТУРНАЯ ГРАНКА ОЧЕРКА ШЕДРИНА «КАПЛУНЫ», НАБРАННОГО
ДЛЯ МАЙСКОЙ КНИЖКИ «СОВРЕМЕННОКА», 1862 г.

Сверху помета министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина о запрещеніи очерка,
27 апрѣля 1862 г.

Институтъ русской литературы, Ленинградъ

приводит к несогласуемому противоречию в выводе. Получается, что один и тот же текст, в одном и том же номере журнала Щедрин хотел напечатать дважды: самостоятельно, как очерк «Каплуны», и в составе январско-февральской хроники «Нашей общественной жизни». В действительности, однако, противоречие это мнимое. Работая над материалом очерка «Каплуны» для № 1-2 «Современника» 1863 г., Щедрин еще не знал о том, что его очерк был запрещен в апреле 1862 г.

Таким образом, и переработка первоначального текста «Каплунов» для январско-февральской хроники «Нашей общественной жизни», и создание новой редакции очерка для самостоятельной публикации были вызваны не цензурными, а иными соображениями. Какими же?

Для ответа на этот вопрос потребовалось бы детальное сравнительное изучение всех трех редакций «Каплунов»: первоначальной и двух последующих — самостоятельной (публикуемой нами) и предназначавшейся для включения в хронику «Наша общественная жизнь». При этом особенно важно было бы проследить линию изменений, внесенных в текст вследствие замечаний Чернышевского, замечаний хотя и не дошедших до нас, но о направлении которых мы имеем возможность судить по цитированному выше письму Щедрина от 29 апреля 1862 г. Вряд ли можно сомневаться в том, что, приступая в конце этого года к переработке «Каплунов», Щедрин учел замечания Чернышевского и использовал те «желаемые» исправления, которые по его указаниям уже были внесены в текст.

Сравнительный анализ трех редакций может, вероятно, выявить эти исправления. Тем самым оказалось бы возможным с большей полнотой и конкретностью определить, против каких именно положений и формулировок в «Каплунах» возражал Чернышевский и в какой мере Щедрин учел эти возражения в сделанных им «исправлениях».

Однако решение этой исследовательской задачи выходит за рамки настоящей публикации.

Нам остается указать, что заключительный этап сложной цензурной истории очерков «Каплуны» и «Глунов и глуповцы» не удастся проследить по известным сейчас документам и свидетельствам и он остается не вполне ясным.

Как сказано выше, на корректуре «Каплунов» находится помета, свидетельствующая о том, что она поступила из типографии в редакцию 28 декабря 1862 г. Когда в цензуру отосланы были очерки Щедрина и были ли они отосланы, — мы не знаем. В архивных фондах официальной цензуры нам не удалось найти документов, относящихся к рассмотрению этих материалов и к их изъятию из № 1-2 «Современника» 1863 г. Нет таких документов и для окончания январско-февральской хроники «Наша общественная жизнь».

Что касается упомянутого выше счета корректора Лебедева, то в этом документе цензорские вымарки и изъятия не отличаются от редакторских. Поэтому определить, о чем именно идет речь, на основании счета нельзя.

Судьбу новой, а также измененной (для «Нашей общественной жизни») редакции «Каплунов» и связанного с ними очерка «Глунов и глуповцы» могла решить сама редакция «Современника», когда в связи с возобновлением издания журнала узнала, наконец, о том, что «Каплуны» и «Глуновское распутство» были запрещены цензурой еще 27 апреля 1862 г.

Этим завершились неудавшиеся попытки Щедрина провести в печать своих «Каплунов».

Что же касается «Глуновского распутства», то Щедрин еще раз попытался напечатать очерк под названием «Вперед» в № 11-12 «Современника» 1864 г. Об этом свидетельствует найденная нами в Архиве Академии наук в Ленинграде корректура этого очерка (ф. 111, № 172). Текст его заметно отличается от текста, опубликованного в Полном собрании сочинений (впервые в «Ниве», 1910, № 9) по корректурным гранкам, представленным в цензуру и запрещенным в апреле 1862 г. Как видно из «Описи журналам заседаний С.-Петербургского цензурного комитета» за 1864 г., очерк «Вперед» был запрещен 30 декабря (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 73, л. 52).

III

КАПЛУНЫ

ПОСЛЕДНЕЕ СКАЗАНИЕ

Кастрагы все бранили
 Меня за песнь мою
 И жалобно твердили,
 Что грубо я пою.
 И нежно все запели;
 Их дисканты неслись...
 И, как кристаллы, трели
 Так тонко в них лились...

Начиная говорить о каплунах, я ощущаю некоторую робость. Каплуны птица нешуточная. Будучи досыта накормлен, он тихо курлыкает и чувствует себя совершенно довольным,— качество, как известно, слишком редко встречающееся в наше тревожное и тяжелое время. Отсюда всегдашняя ровность и ясность духа; отсюда — самоуверенная законченность видов и соображений; отсюда — текучесть и плавность речи; отсюда, наконец,— права на всеобщее уважение.

Каплуны — консерваторы по природе и даже несколько доктринеры. Они любят именно тот порядок вещей, который посылает ему в рот катышки и, потом, со стороны доктрины, шагнул дальше самого доктора Панглосса, утверждавшего, что все идет к лучшему в наилучшем из миров. Каплуны удостоверяют, что Панглосс оказал себя в этом случае петухом, а если и каплуном, то каплуном недавним, не позабывшим еще старых, петушиных проказ. Ибо, поучают каплуны, в прекраснейшем из миров не может быть движения к лучшему; в прекраснейшем из миров все так премудро устроено, что не для чего искать лучшего, да и негде его найти; в прекраснейшем из миров изготавливаются удивительнейшие катышки и — венец создания — каша из грецких орехов, замысловато перемешанных с творогом.

Благонамеренность каплунов вошла в поговорку. Это и понятно, потому что им неоткуда взять неблагонамеренности. Неблагонамеренность предполагает страстность, а эта последняя горьким насилием судьбы подрезана у каплунов в самом источнике... Поэтому каплуны слывут самыми лучшими судьями и самыми безошибочными решителями судеб вселенной.

Несмотря, однако ж, на все эти положительные достоинства, каплуны при неумеренном употреблении делаются противными. Благонамеренность и постоянная невозмутимость души производят в них какое-то неприятное ожирение, от которого по временам делается тошно. По сему искусные кулинарные законодатели рекомендуют употреблять каплунов попеременно с петухами, дабы не было унисона.

Каплуны-люди встречаются во всех слоях, на всех ступенях глуповского общества. Чтобы сделаться каплуном, нужно очень немного. Нужно выбрать идейку с булавочную иглку, возлюбить ее, как самого себя, и затем с спокойною совестью мерить этим огромным масштабом все явления, происходящие перед глазами. Устроившись таким образом, каплуны складывают лапки и спокойно ожидает, чтобы природа сама собой довершила блистательно начатое дело. Душевные силы неволью устремляются к готовому центру, который, как всемогущий и притом брезгливый деспот, берет от них лишь то, что необходимо для его поддержания; затем все остальное отбрасывается и постепенно подрезывается и подсыхает. После того каплуны жиреют и делается отличным судьей и непогрешимым решителем судеб вселенной.

По нужде можно, однако ж, обойтись и без личного участия в выборе идеи, но принять таковую со стороны в виде дружеского насилия или в виде дружеского найма. Эта штука самая выгодная, во-первых, потому, что она освобождает каплуна от обязанности изобретать что-либо свое собственное, и, во-вторых, потому, что дает ему возможность под предлогом угнетения его самостоятельности требовать известного за сие вознаграждения. Отдавши в наймы свои посильные дарования, каплун обязывается в течение условленного периода времени с таким же озлоблением курлыкать по поводу чужой идеи и в защиту чужого интереса, как бы это были его собственные идея и интерес. Каплуны этого рода требуют кормления нарочитого, ибо чем сильнее их кормят, тем ненасытнее делаются их утробы и тем голоднее становятся их курлыканье. Эти каплуны в публике носят наименование бесстыжих, так как нанимаются преимущественно к тому, кто предлагает больше катышков.

В те трудные эпохи, когда жизненные интересы, еще не сделавшись интересами действительными, выказывают, однако ж, поползновение обмирщиться и стать общим достоянием, каплуновство является во всем своем торжестве и олимпийском величии. В то время, когда целое общество трепещет и движется под гнетом какого-то одуряющего обмана чувств и мысли; в то время, когда человек, не видя перед собой непосредственного практического дела, жадно привязывается к каждой насущной истине, лишь бы она не носила на себе слишком явных признаков безобразия и лжи, каплуны воинство уже все разрешило, все распределило заранее и только курлыкает да улыбается той горячке, которой предаются необузданные петухи.

— А как вы думаете,— говорит Иван Петрович Петру Ивановичу, указывая на петуха, разбежавшегося, что есть мочи, на стену: — а как вы думаете, разобьет он себе голову?

— Разобьет-с,— отвечает Петр Иванович, злорадно хихикая, ибо по естественному влечению своей природы обязывается ненавидеть петухов всеми силами своего крошечного сердца.

— А как вы думаете, если б он чуточку взял вправо... ведь уцелела бы у него голова?

— Уцелела бы, потому что правее брешь сделана.

— Так-то-с, Петр Иванович!

— Точно так-с, Иван Петрович!

В этом «чуточку вправо», «чуточку влево» заключается вся житейская, административная и политическая мудрость каплунов. Покуда другие борются и изнемогают, покуда другие идут напролом и стремглав падают в пропасти, каплуны сидят себе с весками в руках и то в одну чашечку подсыплют, то в другую подложат... «С одной стороны, оно, конечно, так (подсыпь же, подсыпь же на копейку!), но, с другой стороны, нельзя и того не принять в соображение (да что ж ты зеваешь! подложи на грош в другую-то чашечку!)...» Вот речи, без которых ни один каплун обойтись не может. Поэтому они целую жизнь всё соображают: и *то* соображают, и *другое* соображают, и с одной стороны смотрят, и с другой стороны смотрят, и никак-таки не могут добиться, чтобы стрелка стояла прямо.

Из этого видно, что обязанности каплунов, с одной стороны, тяжелы и беспокойны, с другой стороны,— легки и спокойны. Они тяжелы в том смысле, что можно от заботы одной пропасть, можно зрение потерять наблюдая за колебанием чашечек; они легки в том смысле, что подобными наблюдениями составляют занятие чисто механическое, что можно и наблюдать и в то же время о пирогах думать. Это всё равно, как занятия в департаментах. Пишет чиновник к какому-нибудь Петру Иванычу и от Петра Иваныча получает письма; грубит Петру Иванычу, соглашается с Петром Иванычем, говорит ему колкости и уверяет его в истинном

почтении и преданности,— одним словом, двадцать лет каждый божий день беседует с Петром Ивановичем... и не знает, что это за Петр Иванович, и не только в глаза его не видал, но даже не ведаёт, чем он занимается и какую он представляет собой спицу в административной колеснице. Зато он получает полную свободу мечтать, покуда перо его ходит по бумаге; зато он может без помехи думать и о вчерашнем танцклассе и о танцклассам, предстоящих ему сегодня и завтра; он может улыбаться и разговаривать с самим собою; он может мысленно входить в недоступные ему

Трудно было размышлять, когда
 Делать, что-нибудь из своего
 Зубарова. Значит все. Как. Трудно
 Милости и любви и уважения
 много. Это. Трудно. И так.
 Спасибо! Своего. Своего. Своего
 Своего.

Спасибо. Спасибо. Спасибо!
 Свое. Свое. Свое. Свое. Свое.
 Свое. Свое. Свое. Свое. Свое.
 Свое. Свое. Свое. Свое. Свое.
 Свое. Свое. Свое. Свое. Свое.

19 мая 1863

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК ОТВЕТА С. Г. СТРОГАНОВА НА ПИСЬМО А. В. ГОЛОВНИНА
 ОТ 26 АПРЕЛЯ 1862 г. ПО ПОВОДУ ОЧЕРКА ШЕДРИНА «КАПЛУНЫ»

Сделан на обороте письма Головнина

Центральный архив древних актов, Москва

гостинные, нашептывать дамам любезности, воспламенять воображение покорять сердца...

Таким точно образом поступают каплуны. Они пересыпают из пустого в порожнее и думают, что воспламеняют чьи-то воображения, покоряют чьи-то сердца.

Жизнь составляет для каплунов что-то внешнее, развивающееся само из себя, прозябающее своею собственной внутренней силою; она давит их, она всецело ими обладает. Отсюда какой-то гнетущий, политический и нравственный фатализм во всех их помыслах и действиях; отсюда страшное озлобление против всего, что обнаруживает хотя малейшее поползновение на спор с жизнью. Для каплуна нет положения удовлетворительнее положения настоящего, нет истины мудрее истины текущей. Скажите ему, что нельзя удовлетвориться жизнью, которая дает смерть и поступаться веревкой на шею,— он только захихикает в ответ. Скажите ему, что нельзя сидеть у моря и ждать погоды, когда душа стонет и

изнемогает под гнетом практических результатов глуповского мирозерцания, — пожалуй, он и выслушает вас, но выслушает с той отвратительно снисходительной улыбкой, которая в одно и то же время означает и «болтай, болтай себе, душенька, сколько угодно!» и «а ну, поболтай-ка еще! я тебе покажу, где раки зимуют!».

Эта замкнутость, эта таинственность, эта нелепая невозмутимость собственно и составляют силу каплунов. Перед вами оставленный храм, которого двери заперты; вы знаете наверное, что святыня давно оттуда вынесена, что там только крысы бегают; но напрасно стучитесь вы в эти двери, напрасно желаете вы всенародно доказать, что перед вами именно жилище крыс, а не богов: двери упорно остаются запертыми и на домогательства ваши отвечают лишь пустым и даже словно ироническим звуком.

И горе вам, если вы обнаружите нетерпение, если вы отдадитесь неуместному порыву и бесполезной горячности. Двери обиталища крыс замкнутся крепче прежнего, а каплуны усугубят свою таинственность, ибо знают, что их сила до тех пор сила, покауда их окутывает мрак.

Очевидно, надо отыскать ключ от этих дверей; очевидно, надобно действовать оружием равным, т. е. нелепой невозмутимости противопоставить невозмутимость столь же нелепую. Это горько, это тупоумно, это почти невысказано, но при известной обстановке это неперемное условие какого бы то ни было успеха ввиду туго раздающейся глуповской массы.

Подобно древним простодушным мореплавателям, каплуны в плавании своем по жизненному океану исключительно придерживаются берегов. В этом случае их обольщает близость чего-то такого, за что они как будто могут ухватиться, и хотя действительность нередко разочаровывает их, хотя действительность фактами и примерами ежедневно доказывает им, что плаватель малоискусный может погибнуть и в кадке с водой, но они упорствуют. Это происходит отчасти вследствие горячего желания жизни, единственного желания, которое еще производит трепет в заснувших сердцах их, отчасти же — вследствие совершенного бессилия представить себе обстановку жизни иначе, как в самой конкретной и даже грубой форме. «Если ухватиться не сможем, то, по крайней мере, хоть поглазеем!» — говорят они, и никак-таки не поустятся в открытое море, хотя бы им было до очевидности ясно доказано, что на стороне моря лежит никому не принадлежащий двугривенный, тот, которым они свободно могут воспользоваться.

Это тоже великая сила, это сила, называемая благоразумием, перед которую исстари привык преклоняться всякий обитатель Глупова. Каплуны в этом случае даже ничего не выдумали нового: они только воспользовались общим глуповским инстинктом и возвели его на степень жизненного принципа... «Твоя от твоих!», — говорят они глуповцам, — их ли не познают сограждане?

Каплуны — это последнее звено, это крайний продукт древнего глуповского мирозерцания. Они ничего не изобретают, хотя подчас бывают очень довольны, когда их называют изобретателями; они ничего нового не дают, хотя и выражают в лице некоторую умиленность, когда их называют жизнедавателями; они просто систематизируют. Все нравственное худосочие, которое глуповская жизнь в течение многих столетий бессмысленно копила, ревниво скрывая накопленное от глаз непосвященных, они растревожили и умели возвести в перл создания; все, что в этой жизни было невысказанного, разбросанного в виде беспорядочных отрывков, они собрали и привели в систему; все, что было противоречащего, они подчистили и подгладили. Собрали, систематизировали, почистили слог и записали в книжку...

Книжка эта называется «Философией города Глупова» и гласит следующее:

Краткие наставления глуповскому гражданину!

Добрый сын Глупова!

1) С жизнью обращайся осторожно, ибо она сама, собственной внутренней силой, вырабатывает для себя принципы.

2) Удовлетворяйся истиной минуты, ибо эта истина есть единственная, той минуте приличествующая.

3) Не насильствуй, не волнуйся, не забегай вперед, ибо тебя могут остановить, и тогда кто знает, что может с тобой случиться?

4) Бери у жизни только то, что она дает добровольно; если ты будешь ласков, то она и еще в пользу твою поступиться может.

5) Будь терпелив; сомневайся меньше, верь больше. Если видишь непотребство, — надейся, что оно будет усмотрено. Если видишь частное улучшение и смущаешься мыслью, что это улучшение мнимое и ничем не обеспеченное, — никому о том не говори.

6) Поступая таким образом, будешь счастлив.

Глуповцы, прочитав это, обрадовались. Патриотическое их чувство было сильно польщено тем, что и у них появились свои Гегели, которые даже из глуповского винегрета сумели сделать какую-то философию! Они очень наивно думали, что руководствовались до сих пор инстинктом, что они даже не жили, но ели, спали и топтали жизнь, и вдруг им объявляют, что все это... философия!

— Стало быть, мы по всем правилам так действуем! — поздравляют они друг друга, едва приходя в себя от радостного изумления.

— Стало быть, так, коль скоро и в книжке оно записано!

— Ведь это, малый, диковина!

— Это просто, малый, страсть!

Но глуповцы радуются напрасно, ибо глуповская философия, записанная в книжку, есть вещь ужасная. Я понимаю, что философия и подобного рода может нравиться, но она может нравиться именно только до тех пор, покуда существует в виде винегрета. В этом виде глуповец пользовался ею по своему усмотрению: он и разнообразил ее, сколько мог, и украшал ее разными неприхотливыми узорами своей фантазии; изредка он мог даже пошалить... Теперь этому веселому беспутству — конец; теперь ему говорят: сиди смирно и читай книжку!

Из всего этого может случиться следующее:

Если глуповец вздумает пошалить, то мужи совета, которым он легкомысленно доверил свое будущее, скажут ему: а разве ты не читал, что в книжке написано?

Если глуповец покусится надуть мужей совета и скажет, что ему не шалить, а погулять хочется, то мужи ответят ему: рассказывай это другим, а не нам! Мы, брат, сами народ травленный, сами в свое время немало занимались надуваньем, да и книжку такую для того написали, чтобы вперед этого не было!

Одним словом, глуповец окружен со всех сторон; куда он ни обернется, везде ему кричат: шабаш! куда он ни сунет нос, везде ему один ответ: это не твое дело!.. Что если он догадается? что если он поймет, что книжка, появлению которой он так обрадовался, принесла ему только славу и в то же время стеснила его движения?

Но покудова он еще не догадался, и потому каплуны от него в восторге: ведет, говорят, себя примерно! И даже выказывает здравый смысл! и даже не удивляется, когда ему говорят: ждите, братцы, ждите! и даже не огорчается, когда ему говорят: нечего, братцы, ждать! ничего, братцы, больше не будет!

Представление кончилось, остаются восторги. Мало-помалу и они стихают; приходит лампист и гасит лампы; зала по-прежнему окутывается мраком.

Я понимаю эти взаимные восторги; глуповцы по плечу каплунам, каплуны — глуповцам: что ж мудреного, что они целуются? И те и другие отменно рады, что вышло у них как будто нечто новенькое, а между тем величественное здание глуповской жизни ни мало не потрясено; что в воздухе пахнет какой-то новой гарью и в то же время глуповский *air fixe* * сохранен, как живой...

Но за всем тем, я сомневаюсь. Я сомневаюсь именно потому, что каплуны — крайний продукт, что они, так сказать, венец глуповского мирозерцания! Это дело плохое, — размышляю я, — коль скоро здание уж чем-то увенчивается, коль скоро оно до такой степени окончено, что даже клопы в нем завелись! Стало быть, глуповцам нечего уж и делать? стало быть, им остается только сказать: вот геркулесовы столпы глуповской премудрости! — и отправиться на печку спать?

Это не естественно. Глуповцы могли жуировать и не замечать, как летит время, до тех только пор, покуда жизнь их текла как ручей, покуда они не чувствовали ее, покуда, одним словом, им никто не объяснил, что и у них есть принципы и у них есть философия. Тогда не было ни мрака, ни света, тогда не чувствовалось ни холода, ни тепла... тогда жилось, жилось, жилось — и больше ничего! Но с той минуты, как глуповские воззрения систематизированы, а глуповские принципы объявлены всенародно, нет средств не развивать их, нет средств не идти далее. Не надо ошибаться: эпоха систематизирования есть вместе с тем и эпоха анализа, эпоха приведения в ясность жизненной подоплеки. Куда поведет дальнейшее развитие глуповских принципов, что это выйдет <за> прогресс, который будет носить наименование глуповского — мы не знаем,

Мы только плачем и вздыхаем:

О горе нам, рожденным в свет!

Но во всяком случае, и развитие, и прогресс неизбежны...

Таким образом каплуны сами дают нам искомый ключ, сами малопомалу отворяют двери обиталища крыс. Наверное, они сами не знают, что таков будет результат их трудов. Систематизируя и увенчивая здание, они вместе с тем думают, что затягивают сверху узелок и припечатывают жизнь печатью, из-под которой она и выбиться не в силах, — и ошибаются. Глуповская жизнь сильна была мраком, который ее со всех сторон окутывал, сильна была плотною занавесью, которая скрывала ее внутреннее содержание от глаз непосвященных; но как скоро это содержание обнаружено, винегрет делается ясен и расползается сам собою.

Стало быть, каплуны, считающие себя первыми собирателями глуповской жизни, суть в строгом смысле лишь первые предатели ее.

Стало быть, для того, чтоб обрушить величественное здание, начинающее мозолить глаза глуповцам, не нужно ни подкапываться под него, ни волноваться, ни лезть напролом, а просто взять несколько терпения и потом с спокойной совестью взирать, как оно само собой разлезается.

Каплуны! того ли хотели вы?

Нет, вы этого не хотели и не хотите, потому что понимаете, что с развитиями да с прогрессами вы непременно лишитесь сладких кусков ваших. Вы до такой степени хорошо понимаете это, что даже тоскливо совещаетесь между собою: не возвратиться ли, не опрокинуться ли назад?

Но если дело находится в таком положении, то, очевидно, остается разрешить только одно: возможен ли этот возврат или невозможен?

Вопрос этот могут разрешить только сами глуповцы. От вас, каплуны, — он не зависит.

* устоявшийся воздух (франц.).